

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР

(доклады и сообщения)

декабрь 1979 г.

Часть I (1)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1981

of the history of Central Asia. - Prolegomena to the sources on the history of pre-Islamic Central Asia, Budapest, 1979, с.299-300.

² С.Волин, Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р.Талас и смежных районах. - Труды Института истории, археологии и этнографии АН Каз.ССР, т.8, Алма-Ата, 1960, с.85.

³ С.Е.Малов, Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951, с.85.

⁴ G.Clauson, Notes on the Irk bitig. - UAJ, Bd. XXXIII, 1961, с.223.

⁵ История агван Моисея Каганкатвази. Пер. с армянского К.Патканьяна. СПб., 1861, с.190.

⁶ Л.П.Потапов, Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая. - Сб. "Фольклор и этнография", Л., 1977, с.175.

Список сокращений

JA - Journal asiatique, Paris.

UAJ - Ural-Altäische Jahrbücher, Wiesbaden.

В.Н.Кобец, Г.Т.Тонь

ФУКУДЗАВА ЮКИТИ О ПРИРОДЕ ВЛАСТИ В ЯПОНИИ

Рассматривая в одной из главных своих работ "Буммэйрон-но гайряку" ("Краткий очерк теории цивилизации", 1875 г.) процесс развития цивилизации в Японии и на Западе, Фукудзава Юкити выделяет вопрос о власти как основополагающий для понимания специфики и особенностей исторического процесса в обоих регионах.

Основываясь на прочитанных им ко времени создания "Буммэйрон-но гайряку" работах Ф.Гизо, Г.Т.Бодля и Дж.С.Милля, а также на впечатлениях от капиталистического Запада, полученных им в путешествиях по Европе (1861-62) и по Америке (1860,1867), Фукудзава приходит к представлению о существовании множества факторов, определивших развитие цивилизации на Западе, т.к. "в условиях западной цивилизации формы общественных отношений допускали существование различных теорий, которые, развиваясь одновременно, сближались друг с другом и, в конце концов, слились в

одну цивилизацию, заложив в процессе слияния фундамент свободы" [1, 145]. По мнению Фукудзава, "отличие западной цивилизации от других цивилизаций заключается в том, что в западном обществе отсутствует единообразие мнений, различные мнения существуют, не растворяясь друг в друге. Например, существуют теории, которые отстаивают авторитет светской власти, и другие, настаивающие на примате власти религии. Есть защитники монархии, теократии, аристократии и демократии. Каждый идет своим путем, каждый отстаивает свою позицию" [1, 133].

Этой ситуации Фукудзава противопоставляет отношения в японском обществе, говоря, что со времен легендарного императора Дзимму правитель, опираясь на помощь родственников и узкого круга испытанных друзей, захватил власть над остальным сообществом, "возникло первое разделение на правителей и подданных. Правители стали высшей группой, хозяевами, ядром; подданные оказались низшими, гостями, оболочкой... Вплоть до настоящего времени существовала целая серия типов общественных взаимоотношений, но в конечном счете, все они сводились к этим двум элементам, так как никто не был в состоянии самостоятельно выполнять свое предназначение" [1, 148].

Рассматривая процесс становления государства с царствования Дзимму, правившего по преданию с 660 по 585 год до н.э., Фукудзава платит дань традиции, не выдерживающей критики с точки зрения современной исторической науки. Однако нарисованная картина классового размежевания в Японии во многом соответствует периоду установления государственной собственности на землю и введения наделного землепользования в VII веке. Дело в том, что стойкость общины в Японии, так же, как и в других странах дальневосточного региона, привела, как известно, к невозможности перехода в условиях зарождения феодального строя к феодальному поместью. "Легче было сохранить общину, но превратить ее из свободной в налогообязанную. Надельная система как раз эту возможность и предоставляла: привычная форма общины с внутренним распределением участков оставалась, только их распределение, обработка и судьба продукции оказывались под контролем государства, объявлявшего себя - в лице государя - единственным собственником земли" [6, 373].

Первым документом, сформулировавшим принципы государственного устройства на основе введения наделной системы, был "Закон 17 статей", изданный принцем Сётоку в 604 году. "Основная мысль

этой декларации - абсолютный примат государства и его представителя - носителя верховной власти. "Государь это - небо, подданные это - земля". В государстве нет двух государей. У народа нет двух господ" [6, 374]. Однако наряду с этими чисто конфуцианскими положениями в "Законе" присутствуют параграфы, говорящие о пробуддийской ориентации автора, активно насаждавшего в Японии эту религию. Таким образом, "Закон 17 статей" может быть рассмотрен как проявление существования своеобразного буддийско-конфуцианского синкретизма уже на самых ранних этапах проникновения этих учений в Японию. То, что в "Законе" переплетаются буддийские и конфуцианские представления, имеет существенное значение для понимания всей средневековой японской идеологии. Небесная и земная власть выступают в ней заодно, диктуя единый закон: закон правителя. Именно это в первую очередь имеет в виду Фукудзава, утверждая, что в японском обществе есть только два значимых элемента: правители и подданные. Отсутствие института буддийской церкви в Японии в качестве самостоятельной силы, противостоящей светской власти объясняет стремление Фукудзавы выделить биполярность сил в средневековом японском обществе в противоположность европейскому, служившему ареной ожесточенных битв между государственной и церковной властью.

В достаточной мере точно определяя роль буддизма в японской культуре и особенности политики буддийской церкви, Фукудзава писал: "Буддизм процветал - это верно. Но его учение было растворено в политической власти. По всему миру распространился не свет учения Будды, а блеск политической силы буддизма. А посему не удивительно, что буддийская религия не обладает независимой религиозной структурой" [1, 147]. В самом деле, хотя буддийская церковь на протяжении многих веков играла немаловажную роль в делах государственного управления, она добивалась этого путем проникновения в аппарат светской власти с помощью родственных связей высших чинов буддийской церкви с императорским домом, пострижения в монахи формально отказывающихся от престола в пользу наследников императоров, принадлежности многих представителей светских элитарных кругов церковной элите. Одним из факторов, определивших подобное сращение церковной и светской власти, явилось то, что "в Японию буддизм махаяны пришел в значительной степени омирненным" [4, 90].

Говоря о множественности элементов, составляющих европейскую цивилизацию, Фукудзава, наряду с независимым институтом христианской церкви, коренным образом отличающейся от синкретизма светской и церковной власти в Японии, выделяет как самостоятельную силу европейские вольные города. При этом он говорит не только о политической независимости вольного города, но и об особом самосознании горожан, противопоставляющих свои интересы интересам феодалов, государства и церкви. Фукудзава убежден, что неспособность привычного мыслить понятиями "правитель-подданный" японского народа выйти за рамки этих категорий не дала возможности развиться в Японии аналогичному корпоративному мышлению горожан.

Фукудзава далек от мысли, что мировоззрение горожан было исключительным фактором, определившим уровень развития и формы существования японского города. В главе, предшествующей рассмотрению вопроса о городах, он, говоря о причинно-следственных связях в социуме, отмечает возможность сравнения условий в стране с парходом и мощностью его паровой машины, людей, влияющих на положение дел, — с навигатором. Задача навигатора заставить паровую машину работать на полную мощность. Он может справиться или не справиться с этой задачей. Но, как бы он ни был искусен, он не может заставить машину превысить максимальное число оборотов /1,55/. В свете этого рассуждения мы можем сказать, что Фукудзава рассматривает феодальное мировоззрение японских горожан как один из факторов, замедляющих процесс перерастания феодального города в город капиталистический.

Предположения Фукудзавы подтверждают исследования современных прогрессивных японских историков, признающих, что, даже в период бурного роста городов в XVI веке они не достигли той независимости, какой обладали европейские города /см., напр., 2;3/. Пытаясь объяснить причины подобного положения, японский исследователь Харада Томокико утверждает, что феодальная система Японии в тот период была еще очень сильной, феодалы контролировали все стороны городской жизни и, в связи с этим, города не могли стать "инородным телом", способным поколебать феодальный мир /3, 53/. А между тем уровень развития феодализма в Японии XVI века, пожалуй, можно приравнять к условиям Германии и Голландии XIII-XV вв. Однако при этом, как справедливо отмечает Харада, в Японии "горожане не выросли в такую политическую силу, которая сумела бы противостоять феодальной власти. У них не было необходимой сплоченности и единства, что не могло не препятствовать установ-

лению городского самоуправления" /5,15/. Историкам еще предстоит провести подробный анализ соотношения экономических и политико-идеологических факторов в развитии японского города. Но и на данном этапе можно утверждать, что подмеченное еще Фукудзава отсутствие представлений о возможности "отношений по горизонтали", было одной из причин, препятствовавших борьбе горожан за политико-административную автономию.

Следует однако отметить, что в попытках выявить наиболее существенные различия механизмов власти в Японии и на Западе, Фукудзава часто отходит от рассмотрения особенностей процессов исторического развития обоих регионов, переключаясь, по существу, на анализ двух статических ситуаций, противопоставляя инертность народа и его обособленность от борьбы внутри правящего класса в Японии принципиально иному развитию политической истории Запада. Фукудзава утверждает, что в Европе изменения в путях развития народов, заставляли, в свою очередь, меняться правительства. Япония кажется исключением из этой ситуации. Поскольку религия, образование, промышленность и коммерция находились под пятой правительства, правительству не приходилось опасаться изменений в этих сферах. Если возникало что-то, не совпадавшее со взглядами правительства, оно немедленно запрещалось [1,142]. Противопоставление, явное и закономерное для XVI века, когда в Европе уже отчетливо проступили черты капиталистического уклада и многие, связанные с этим, изменения в социальной сфере, а Япония оставалась страной чисто феодальной, теряет свою правомерность при сопоставлении Европы УП-ХУ веков с Японией этого же периода. Феодализм в Европе бесспорно имеет больше черт, родственных японскому феодализму, чем это кажется Фукудзава Юкити. Недопонимание этого обстоятельства японским просветителем в большой степени вызвано недостаточно пристальным его вниманием к проблемам экономического развития. Пытаясь уйти от традиционного подхода к истории, при котором в поле зрения ученых оказывается лишь внутренняя борьба в рамках правящего класса, Фукудзава, рассматривая и положение "подданных", остается все же исследователем лишь социально-политических и идеологических изменений в жизни японского общества.

При всей недооценке экономического фактора Фукудзава, первым выступивший с попыткой анализа особенностей исторического процесса на Востоке и Западе, высказал ряд соображений, подтвер-

ждающихся результатами современной исторической науки. Рассматривая комплексно социально-экономическую историю Японии, необходимо выделить особенности японской общины, японского феодального города, японской идеологии. На этом фоне изучение предельного Фукудзава анализа особенностей отношений между правителем и подданными (высшим и низшим) как фактора, способствовавшего развитию многих специфических черт социальной организации Японии, представляется важным аспектом в процессе уточнения наших представлений об особенностях исторического развития этой страны.

¹ Фукудзава Юкити, Буммэйрон-но гайряку (Краткий очерк теории цивилизации), - Фукудзава Юкити дзэнсю, Токио, 1958-1964, т.4.

² Имаи Тосики, Тоси хаттацуси кэнкю (Изучение истории развития городов), Токио, 1956.

³ Харада Томохико, Нихон хокэн тоси кэнкю (Изучение феодальных городов Японии), Токио, 1957.

⁴ Н.А.Иофан, Культура древней Японии, М., 1974.

⁵ А.А.Искендеров, Феодальный город Японии, М., 1961.

⁶ Н.И.Конрад, Избранные труды, М., 1974.

Е.М.Козина

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ ЗАВИСИМЫХ ЛЮДЕЙ В КИТАЕ ПРИ СЕВЕРНЫХ ДИНАСТИЯХ (386-618 гг.)

Этот сложный, своеобразный период истории Китая имел свои характерные особенности, обусловившие его историческую уникальность. Никогда прежде и после того страна не знала такой раздробленности, децентрализации, имевших место в это время. Именно в этот период китайская культура испытала мощное влияние "варварской" культуры народов, окружавших Китай с севера, что также отразилось на социальной жизни и традициях.

Вплоть до конца V века династия Северная Вэй проводила завоевательные походы, в результате которых захватывалось ог-